

УДК 215; 216
DOI

**ФИЛОСОФСКО-БОГОСЛОВСКИЕ СМЫСЛЫ ПОЛЕМИКИ
И.А. ИЛЬИНА И Л.Н. ТОЛСТОГО**

**PHILOSOPHICAL AND THEOLOGICAL MEANINGS OF THE CONTROVERSY
I.A. ILYIN AND L.N. TOLSTOY**

**В.П. Римский^{1,2}, О.Н. Римская¹, К.Е. Мюльгаупт²
V.P. Rimskiy^{1,2}, O.N. Rimskaya¹, K.E. Mulhaupt²**

¹Белгородский государственный институт искусств и культуры,
Россия, 308033, Белгород, ул. Королева, 7

²Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

¹State Institute of arts and culture,
7 Koroleva St, Belgorod, 308033, Russia
²Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: rimskiy@bsu.edu.ru; olgarimskaja@rambler.ru; urist812@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются философско-богословские смыслы полемики Л.Н. Толстого и И.А. Ильина в контексте решения дихотомий «насилие – ненасилие» и «насилие – сила». Нарастание насилия в современном мире, террор и войны, революции и политические перевороты обрекают простого, «маленького» человека либо на пассивное участие в насилии, либо на столь же пассивное сопротивление ненасилием. С точки зрения И.А. Ильина, Л.Н. Толстой и его школа, употребляя термины «насилие» и «ненасилие», смешивали самые различные виды насилия с формами принуждения, самопринуждения, понуждения. Выявляя противоречия в аргументах Л.Н. Толстого, И.А. Ильин кладёт в качестве родового понятия «действие волевой силы», которое проявляется в действии «органически цельном и свободном» (игра сил) и в «действии заставляющем», через ненасильственное убеждение, психологическое и правовое принуждение (приказ, запрет, закон и т.п.), противопоставляя их легитимному и нелегитимному насилию. Заставление и принуждение могут вести как к добру, так и к злу, поэтому рассмотрение насилия с точки зрения морали требует выхода в более глубокие, *онтологические контексты*, каковыми для нас могут быть лишь любовь ко Христу и во Христе.

Abstract

The article deals with the philosophical and theological meanings of L.N. Tolstoy and I.A. Ilyin polemics in the context of the dichotomy solution «violence – nonviolence» and «violence – force». The key problem of the work “On Resisting Evil by Power” I.A. Ilyina concludes in answering the question: “Can a person striving for moral perfection resist evil with force and a sword? Can a person who believes in God, accepting His universe and his place in the world, not resist evil with his sword and power? This is a dual issue that now requires a new formulation and a new resolution”. I.A. Ilyin, noting the depth, sophistication and complexity of this issue, wrote that simplifying it and not distinguishing between “force” and “violence” could lead to false conclusions and theories. From the point of view of Ilyin, L. Tolstoy and his school, using the terms “violence” and “nonviolence” mixed a variety of types of violence with forms of coercion, self-coercion, coercion. Revealing contradictions in L. N.’s arguments. Tolstoy, I. Ilyin puts as a generic concept of “the action of willpower”, which is manifested in the action of “organically whole and free” (the game of forces) and “forcing action”, through non-violent persuasion, psychological and legal coercion

(order, prohibition, law, etc.), contrasting them with legitimate and illegitimate violence. Coercion and coercion can lead to both good and evil, so considering violence from a moral point of view requires going into deeper, ontological contexts, which for us can only be love for Christ and in Christ.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, И.А. Ильин, учение о непротавлении злу насилием, критика толстовства, насилие, ненасилие, сила.

Keywords: L.N. Tolstoy, I.A. Ilyin, the doctrine of non-resistance to evil by violence, criticism of tolstoyism, violence, non-violence, force.

Впервые книга И.А. Ильина «О сопротивлении злу силою» была издана в Берлине в июне 1925 г. в частном издательстве на средства состоявшего одно время в Высшем Монархическом Союзе барона Б.Г. фон Коплена [Ильин, 1925, 1996]. Первые два экземпляра И.А. Ильин послал на отзыв в парижскую газету «Возрождение» – ее редактору П.Б. Струве и К.И. Зайцеву. В номере от 6 июля газета известила читателей о выходе книги и сразу же книга вызвала бурную полемику. Повторно работа была опубликована в 1975 г. в лондонском (Канада) издательстве «Заря». Большая часть данного произведения посвящена критике теории Л.Н. Толстого о непротавлении злу насилием.

Ключевая проблема произведения И.А. Ильина «О сопротивлении злу силою» заключается в ответе на вопрос: «Может ли человек, стремящийся к нравственному совершенству, сопротивляться злу силою и мечом? Может ли человек, верующий в Бога, приемлющий Его мироздание и своё место в мире, не сопротивляться злу мечом и силою? Вот двуединый вопрос, требующий ныне новой постановки и нового разрешения» [Ильин, 1996, с. 34]. И.А. Ильин, отмечая глубину, утонченность и сложность данного вопроса, писал, что его упрощение и неразличение «силы» и «насилия» могут привести к ложным выводам и теориям.

Надо отметить, что и до революции, и после трагедии гражданской войны ни один И.А. Ильин критиковал толстовское учение: здесь можно назвать имена В.С. Соловьёва и В.В. Розанова, Н.Ф. Фёдорова и Д.А. Хомякова, авторов журнала «Вехи», В.И. Ленина, и многих других [Римский, 2017]. Разумеется, И.А. Ильин был знаком со всеми аргументами дореволюционных критиков толстовства, но он был намного толерантнее, чем, например, веховские авторы, не переходил на личность оппонента, спорил преимущественно об идеях, как и полагается православному человеку. Философ писал в письме к П.Б. Струве от 19 июля 1925 года: «Я искал не только опровержения толстовства, но и доказательства того, что к любви меченосец способен не меньше, а больше непротавленца. Словом, я искал решения вопроса, настоящего, религиозного, пред лицом Божиим; и считаю, что оно содержалось в древнем духе православия» [Полторацкий, 1996, с. 482]. И отправным пунктом его критических рассуждений становится сложное философско-богословское осмысление проблемы и *понятийное определение насилия и зла* в духе не только строгой научности и академизма, но и строгой религиозно-догматической содержательности.

И.А. Ильин даёт собственное, православное видение проблемы борьбы со злом: «Настоящая религия приемлет мир волею, но цельно не приемлет восстающего в нем зла и потому ведет с ним волевою, героическую борьбу; а это учение не видит мира из-за гнездящегося в нем зла и потому отвертывается и от зла, и от мира, и от волевой борьбы с ним. Настоящая религия есть творческое горение о добре, то есть о духе и любви; а это учение утверждается как практическое безразличие к работе зла в мире, к духовности человека и к ее судьбам на земле» [Ильин, 1996, с. 123–124]. Истинное христианство, таким образом, мир приемлет, но ведёт в миру видимую и невидимую брань со злом и против зла, в том числе и против персонифицированного зла.

Он пишет об ограниченности применения силы как насилия, средства вторичного и подчинённого, против зла: «Ввиду всего этого употребление физической силы в борьбе со

злом является *возможным* и *небессмысленным*, но отнюдь *не исключительным* и *не самодовлеющим*, а *вторичным* и **подчинённым средством** в общей системе духовного воздействия и воспитания, и притом средством, применимым в границах духовной допустимости и необходимости. В силу самой природы своей оно должно применяться не тогда, когда его *можно* применить, а тогда, когда его применить *необходимо* и всюду, где в нем *нет необходимости*, его применять не следует... – И далее уточняет: – В качестве не самодовлеющего, вторичного и **подчиненного средства**, оно должно сообразоваться не только с законами духа и добра, но и с природою **главных средств** и с потребностями основной борьбы; оно отнюдь не должно посягать на замену духовных усилий и мероприятий физическими; оно отнюдь не должно вредить духовному преображению человека. Физическое понуждение и пресечение есть *крайняя* мера борьбы; и сфера ее применения начинается только там, где внутренние меры оказываются несостоятельными и недостаточными... Тюрьмы, пытки и казни не могут вызвать в душе ни любви, ни верности. Любовь или добровольна и искренна, или ее нет (жирное выделение наше, курсив И.А. Ильина – авт.)» [Ильин, 1996, с. 127–128]. Здесь и тонкое диалектическое отличие «силы» от «насилия» [Борисов, 2015], которое уже присутствовало в ранней ильинской статье [Ильин, 1910, 1994], «средств» от «цели», подвергающее критике толстовскую «логику непротивления», и согласие с толстовским неприятием зла в горизонте христианской любви. Но в этом и заключается, может быть, самый глубинный смысл всей полемики: что же понимать под любовью?

В философско-антропологическом плане наиболее убедительной была *экзистенциальная критика* И.А. Ильиным католического, протестантского и толстовского учений о средствах и цели: «Ибо на самом деле нравственная ценность *средства* совсем не определяется нравственной ценностью цели и не зависит от нее. Для того чтобы определить нравственную ценность средства, следует сопоставить его совсем не с тою **целью**, ради которой оно осуществляется и которая **сама по себе не есть критерий добра**; сопоставление с целью может обнаружить только **жизненную целесообразность средства**, но никак не его *нравственную верность*. Понятно, что жизненно целесообразное средство может оказаться «безнравственным» и обратно. И точно так же «нравственно-совершенное» средство может быть и нецелесообразным; и обратно (жирное выделение наше, курсив И.А. Ильина – авт.)» [Ильин, 1925, с. 200].

В этом смысловом поле и разворачивается главная полемика вокруг интерпретации заповедей Евангелия от Матфея о «любви к врагам», не такая уж и новая в истории христианского богословия, но приобретающая в таком контексте *новые смыслы*. И.А. Ильин эту заповедь конкретизирует не только как искусшённый правовед, но и богослов: «Призывая любить врагов, Христос имел в виду личных врагов самого человека («ваших», «вас»; срв. Мтф. V, 43–47; Луки VI, 27–28), его собственных ненавистников и гонителей, которым обиженный, естественно, может простить и не простить. **Христос никогда не призывал любить врагов Божиих**, благословлять тех, кто ненавидит и попирает все Божественное, содействовать кошунствующим совратителям, любовно сочувствовать одержимым растлителям душ, умиляться на них и всячески заботиться о том, чтобы кто-нибудь, воспротивившись, не помешал их злодейству» (жирное выделение наше, курсив И.А. Ильина – авт.) [Ильин, 1996, с. 141–142]. Здесь И.А. Ильин *иерархически* противопоставляет заповедь «любви к Богу», как главнейшую, заповеди «любви к ближнему» и «любви к врагам», «прощения обидчиков».

И до И.А. Ильина многие, например, Д.А. Хомяков, сын великого славянофила, различали всеобщую любовь к Богу, требующую отвержения Его врагов, и личную любовь к ближнему, когда и становится возможной «прощение врагов», «подставление щеки» и даже «любовь к врагам». «Евангельская заповедь о непротивлении злу имеет характер исключительно личный, т.е. она заключается в непротивлении злу, на меня лично направляемому...

Самая заповедь о непротавлении злу дана вовсе не для попугайского ее заучивания и повторения рабского. Она лишь анекдотическое пояснение заповеди иной: *любите враги ваши, добро творите ненавдящим вас*; и понимать ее надо с точки зрения этой главной заповеди. Кто усвоит ее себе, тот вовсе не будет рабски повторять перечисленные возможные проявления любви в словах о ланите, плаще и торжище; а будет носителем истинной любви Христовой, даже к врагам» [Хомяков, 2011, с. 442, 452]. Эти слова написаны Д.А. Хомяковым в январе 1907 года и были, скорее всего, ответом на все публицистические статьи и художественные произведения Л.Н. Толстого, в которых он достаточно последовательно сформулировал своё учение о непротавлении злу насилием.

И.А. Ильин также будто бы непосредственно обращается к Л.Н. Толстому, а не к абстрактному «христианину», как в тексте: «Ему необходимо только понять, что настоящее, религиозное сопротивление злодеям ведет с ними борьбу именно *не как с личными врагами, а как с врагами дела Божия на земле*; так что чем меньше личной вражды в душе сопротивляющегося и чем более он внутренне простил своих личных врагов всех вообще и особенно тех, с которыми он ведет борьбу, – тем эта борьба его будет при всей ее необходимой суровости духовно вернее, достойнее и жизненно целесообразнее... Это относится всецело и к заповеди о прощении обид. Согласно этой заповеди, человек имеет призвание прощать своим обидчикам наносимые ему личные обиды...» [Ильин, 1996, с. 141–142]. Но ведь почти также когда-то император Александр III ответил Л.Н. Толстому, радевшему за цареубийц: мол, прощаю *лично*, но *не как царь*...

И.А. Ильин пишет о любви: «Все эти видоизменения любви, вызываемые встречей между подлинною духовностью и подлинным злом, сводятся к тому, что любящее „да“ скудеет в своих функциях, урезывается в своей полноте и по мере ухудшения предмета все более приближается к благо-желающему „нет“: *отрицающая любовь* постепенно как бы преобразуется в *отрицательную любовь* и находит свое **завершение в земном устранении отрицаемого злодея**. Но и во время этого устранения и после него духовная любовь не превращается в злобу и не становится злом: человеку дано *молиться* и за казнимого злодея, и за казненного злодея; и **Церковь знает эту молитву** (жирное выделение наше – авт.)» [Ильин, 1996, с. 149]. Здесь сказывается противоречие церковного толкования Священного Писания светскому, почти протестантскому, дословному прочтению Евангелия Л.Н. Толстым.

В этом же ключе дана ильинская конкретизация диалектики цели и средства: «Чувство взаимной связи и взаимной ответственности, созревая, указывает людям их **общую духовную цель** и заставляет их создать **единую, общую власть** для служения ей. Эта власть (церковная или государственная) утверждает в своем лице *живой орган общей священной цели*, орган добра, орган *святыни*; и потому совершает все свое служение от ее лица и от ее имени (жирное выделение наше, курсив И.А. Ильина – авт.)» [Ильин, 1996, с. 162]. Конечно, ссылки на «церковную», соборную полноту любви для маловерной эмиграции, как и для нынешнего читателя, были очень скользкими и неубедительными аргументами в споре, изначально политизированном оппонентами.

Политизация спора содержалась в контекстах исследования «сопротивления злу силой», как религиозной и патриотической задачи человека: «Ответ, добытый нами, звучит несомненно и определено: *физическое пресечение и понуждение могут быть прямо религиозною и патриотическою обязанностью человека*; тогда он не вправе от них уклониться. Исполнение этой обязанности введет его в качестве участника в великий исторический бой между слугами Божиими и силами ада и в этом бою ему придется не только обнажить меч, но и взять на себя бремя человеко-убийства» [Ильин, 1996, с. 177]. И.А. Ильин прямо обращается к церковной традиции отношения к воину, убивающему на войне: «И вот, если объединить все государственное начало понуждения и пресечения в образе *воина*,

а начало религиозного очищения, молитвы и праведности в образе *монаха*, то решение проблемы выразится в усмотрении их взаимной необходимости друг для друга... Необходимость духовно-нравственного очищения прямо предуказана и установлена в Евангелии, и притом именно для тех, кто посвящает себя борьбе с чужим злом и с чужими злодеяниями» [Ильин, 1996, с. 219, 220]. Это жизненное решение дилеммы «зла и силы», как выражение дихотомий «насилие – ненасилие» и «насилие – сила» И.А. Ильин видит в христианском смиренном покаянии и очистительной молитве воина в лоне Церкви, в объединительной, любовной полноте евхаристического общения верующих христиан.

Выступая с резкой критикой толстовской идеи непротивления злу насилием, в данной работе И.А. Ильин пытался обосновать мысль о том, что в определённых случаях, когда все другие способы сопротивления злу исчерпаны, правомерно применение средств внешнего принуждения, в том числе смертной казни и военной *силы*. И.А. Ильин, не возводит вынужденное обращение к силе в ранг добродетели, так как применение силы, даже легитимной, как насилия всегда остаётся делом несправедливым (хотя и не всегда греховным). Как вести себя при встрече с социальным и моральным злом, какими средствами противодействовать ему – дело нравственного выбора: правильный выбор может сделать только духовно и нравственно здоровая личность.

Вывод И.А. Ильина из заочной полемики с Л.Н. Толстым вовсе не был благостным или, наоборот, воинственным: «Да, **путь силы и меча не есть праведный путь**. Но разве есть другой, праведный? Не тот ли путь сентиментального непротивления, который уже раскрыт выше как путь предательства слабых, соучастия со злодеем, «совиновности» с пресекающим и в довершение – наивно-лицемерного самодовольства? Конечно, этот путь имеет более «спокойную», более «приличную», менее кровавую внешнюю видимость; но только легкомыслие и злая тупость могут не чувствовать, какою ценою оплачены это «спокойствие» и это «приличие»... (жирное выделение наше – авт.)» [Ильин, 1996, с. 204]. Но как же быть человеку, который выбрал трагический путь сопротивления злу силою? Где грань между «праведной силою» и «несправедливым насилием»? Может ли религия быть арбитром в этих спорах о насилии, силе и ненасилии? Может ли «искусство спасти мир»?

Очень часто, отвечая на последний вопрос о роли культуры в преодолении насилия, приводят слова Т. Адорно «после Освенцима поэзия уже невозможна», вырывая их из контекста. Но немецкий философ писал о другом: «Правильно, наверное, будет задаться менее „культурным“ вопросом о том, а можно ли после Освенцима жить дальше; можно ли действительно позволить это тем, кто случайно избежал смерти, но по справедливости должен стать одним из тех, убитых. В жизни такого человека востребован холод и равнодушие – главный принцип буржуазной субъективности; в противном случае Освенцим был бы невозможен; в этом и состоит явная *вина тех, кого пощадили* (курсив наш – авт.)» [Адорно, 2003, с. 323]. Т. Адорно выступает против морального равнодушия ко злу, к его крайним формам типа войны и концлагерей, и в этом перекликается с Л.Н. Толстым, который призывал всячески стремиться к преодолению войны. И в этом аспекте попытки теоретического и практического решения дихотомий «насилие – ненасилие», «насилие – сила» по-прежнему содержат в себе глубокое трагическое начало социальной жизни не только XX века, но и XXI столетия.

И перед нами, как и в своё время перед Л.Н. Толстым и И.А. Ильиным, встают непростые дилеммы и вопросы. Поддаваться соблазнам военного решения межгосударственных проблем или прибегнуть к использованию силы, опирающейся на закон, в надежде, что применение даже легитимного насилия будет минимальным и возобладают лишь демонстрация мощи и силы? Будет ли оправданным применение насилия для предотвращения терроризма или очередной «цветной революции» и небольшого очага потенциальной гражданской войны путём «войны гибридной» во избежание еще больших жертв? Как ни парадоксально, но именно в наши дни остро стоит вопрос о возможной *мере демонстрации силы*

и мощи, всегда чреватых реализацией *действия как принуждения и насилия* не только над терроризмом, но и над неугодными политическими режимами, государствами, социальными группами или простыми людьми.

Список литературы

References

1. Адорно Т. В. 2003. Негативная диалектика. Пер. с нем. М., Научный мир: 374 с.
Adorno T. V. 2003. Negativnaya dialektika [Negative dialectic]. Per. s nem. M., Nauchnyj mir: 374 p. (in Russian).
2. Борисов, С.Н. 2015. Философское понимание насилия: смыслы и коннотации. В кн.: Дискурсы власти. Под ред. Н.А. Меркурьева. Орёл, Орловский гос. институт культуры, ООО «Горизонт»: 73–106.
Borisov, S.N. 2015. Filosofskoe ponimanie nasiliya: smysly i konnotacii [Philosophical understanding of violence: meanings and connotations]. V kn.: Diskur-sy vlasti [Discourses of power]. Pod red. N.A. Merkur'eva. Oryol, Orlovskij gos. institut kul'tury, ООО «Gorizont»: 73–106 (in Russian).
3. Ильин И.А. 1925. О сопротивлении злу. Берлин, типография о-ва «Presse»: 224 с.
Il'in I.A. 1925. O soprotivlenii zlu [About resisting evil]. Berlin, printing house o-va «Presse»: 224 p. (in Russian).
4. Ильин И.А. 1996. О сопротивлении злу силою. В кн.: И.А. Ильин. Собрание сочинений. Том 5. М., Русская книга: 31–220 (in Russian).
Il'in I.A. 1996. O soprotivlenii zlu siloyu [About resistance to evil by force]. V kn.: I.A. Il'in. Sbranie sochinenij. Tom 5 [Collected works. Volume 5]. M., Russkaya kniga: 31–220 (in Russian).
5. Ильин И.А. 1910. Понятия права и силы (Опыт методологического анализа). Вопросы философии и психологии. Кн. 101 (2): 1–38.
Il'in I.A. 1910. Ponyatiya prava i sily (Opyt metodologicheskogo analiza) [Concepts of law and force (Experience of methodological analysis)]. Voprosy filo-sofii i psihologii. Kn. 101 (2): 1–38 (in Russian).
7. Полторацкий Н.П. 1996. И.А. Ильин и полемика вокруг его идей о сопротивлении злу силой. В кн.: Ильин И.А. Собрание сочинений. Том 5. М., Русская книга: 479–528.
Poltorackij N.P. 1996. I.A. Il'in i polemika vokrug ego idej o soprotivlenii zlu siloj [I.A. Il'in and his ideas about the resistance to evil by force]. V kn.: Il'in I.A. Sbranie sochinenij. Tom 5 [Collected works. Volume 5]. M., Russkaya kniga: 479–528 (in Russian).
8. Римский В.П., Резник С.В., Мюльгаупт К.Е. 2017. Учение Л.Н. Толстого о насилии и ненасилии в зеркале русских революций. Наука. Искусство. Культура, 3 (15): 75–93.
Rimskij V.P., Reznik S.V., Myul'gaupt K.E. 2017. Uchenie L.N. Tolstogo o nasilii i nenasi-lii v zerkale russkih revolyucij [The Doctrine of L.N. Tolstoy on violence and nonviolence in the mirror of the Russian revolution]. Nauka. Iskustvo. Kul'tura, 3 (15): 75–93 (in Russian).
9. Хомяков, Д.А. 2011. О непротивлении злу. В кн.: Хомяков Д.А. Православие. Самодержавие. Народность. М., Институт русской цивилизации: 432–452.
Homyakov, D.A. 2011. O neprotivlenii zlu [About non-resistance to evil]. V kn.: Homyakov D.A. Pravoslavie. Samoderzhavie. Narodnost' [Orthodoxy. Autocracy. People]. M., Institut russkoj civilizacii: 432–452 (in Russian).